

Не думал я, что когда-нибудь ещё раз пойду один в парк развлечений.

Меня больше не волновали те, кто смотрел на меня, как на сумасшедшего, так что я просто направился прямо к американским горкам, минуя всех.

Поскольку был будний день, здесь было довольно пустовато.

Я сказал сотрудникам, что заплачу за двух человек, и попросил их оставить место рядом со мной пустым. Они немного поспорили со мной, но я вежливо и честно объяснил им свои обстоятельства, и они мне это позволили.

Американские горки медленно достигли вершины. Я чувствовал себя в той же неприятной ситуации, к которой ещё не привык. Мне казалось, что я никогда в жизни не смогу полюбить их.

И в следующее мгновение мы начали стремительно ехать вниз.

Я беззвучно закричал.

"Дорогой Окада Такуя-сама.

Интересно, что ты почувствуешь, когда прослушаешь эту запись? Я даже не могу себе этого представить. Я хотела бы написать письмо или сделать видеозапись, но у меня не было сил. Так что я просто записала голос.

Вообще-то я хотела пойти куда-нибудь с тобой вдвоем. Но я думала, что тебе будет больно, если я скажу это вслух. Нет, мне было бы больно больше, чем кому бы то ни было, поэтому я была слишком напугана, чтобы сказать это.

Такуя-кун, я хочу сходить в парк развлечений вместе с тобой."

Тогда я усердно кое над чем работал.

В ту ночь в больнице я получил записную книжку, в которой были записаны все вещи, которые Мамизу хотела сделать перед смертью. Она сказала мне, что дарит её мне, потому что будет неловко, если однажды это увидят её родители. Когда я вернулся домой и внимательно осмотрел её, то увидел, что в ней всё ещё были написаны некоторые вещи, которые я не сделал. Одна из них особенно привлекла мое внимание.

Я хочу сделать новый снежный шар.

Один из этих.

↓↓↓

В записной книжке были каракули, изображающие определенную сцену из жизни. Трудно было назвать хорошим произведением, но я хорошо знал, что это за картина.

Я купил пластилин и попытался воспроизвести с его помощью картину Мамизу, но я всегда

был неуклюжим, так что ничего хорошего из этого не вышло. Но я продолжал использовать метод проб и ошибок, движимый своим желанием сделать так, чтобы это произошло.

Тогда-то всё и случилось.

Поздно ночью мне позвонил Макото-сан.

Несколько дней назад Макото-сан перестал бояться сборщиков долгов и стал проводить много времени в больничной палате Мамизу. Отчасти потому, что её смерть была близко. И главная причина, по которой он боялся, что сборщики долгов обратятся к матери Мамизу, заключалась в плате за лечение Мамизу. Итак, Макото-сан начал часто навещать больничную палату Мамизу, и хотя я чувствовал облегчение, у меня также были несколько противоречивые эмоции. Потому что это также показывало, насколько близко была смерть Мамизу.

- Мамизу сказала, что хочет увидеть тебя в последний раз, - сказал он.

Я тут же влетел в такси и отправился в больницу.

Но я опоздал.

Когда я прибыл в госпиталь, Мамизу уже была мертва.

Значит, они действительно надевают на людей белые тряпки, когда те умирают, подумал я как идиот.

- Она была в сознании всего минуту назад, - сказал Макото-сан с болью в голосе.

- Я много разговаривал с ней, пока она была жива, - выдавил я

Я попросил Макото-сана и Рицу-сан показать мне лицо Мамизу.

Она улыбалась.

Может, это всё иллюзия?

Но я мог бы описать её вид, как умиротворённый.

- Мамизу велела мне передать это тебе, Такуя-кун.- Макото-сан протянул мне диктофон. - Может быть, дней десять назад? Похоже было, что она записывала всё понемногу. Она сказала, что хочет, чтобы ты её послушал.

Я ничего об этом не знал. И она ни разу передо мной не пользовалась диктофоном.

Я попрощался с Макото-саном и Рицу-сан, а затем покинул больничную палату.

Было около трёх часов утра. На дороге ещё даже не было видно машин.

Мой дом был немного далеко отсюда: обычно мне требовалось около полутора часов, чтобы добраться туда из больницы. Но мне хотелось идти домой пешком, и я так и сделал. Вероятно, наступит утро, и солнце начнет освещать дорогу, пока я буду идти.

На главной дороге почти не было машин. Эта мысль внезапно пришла мне в голову, и я

выбежал прямо на середину дороги.

На четырехполосном шоссе, по которому обычно ездит огромное количество машин, был только я.

Вот так я и продолжал идти по центру главной дороги широкими шагами.

Я взял диктофон, вставил наушники, которые когда-то подарила мне Мамизу, и попытался прислушаться к её голосу.

Странно, но слез не было видно. Пребывая в рассеянном состоянии духа, я подумал, что мне ещё рано плакать.

"Так вот, у меня действительно осталось несколько дел, которые я хочу сделать перед смертью. Оставить эту запись было одним из них. Ты находишь это неприятным? Даже если так, пожалуйста, слушай внимательно. Я думаю, что сейчас объявлю свои желания. Тадааа! Это первая просьба. Когда я умру, пожалуйста, кремируйте моё тело ночью."

Выслушав всё это, я поспешно позвонил Макото-сан и объяснил ситуацию. Почему она сказала это мне, а не своей семье? Может быть, Мамизу хотела, чтобы я так запаниковал, а может быть, ей было немного неловко объяснять своей семье "один луч света" Сидзусавы Со.

На похороны Мамизу пришло много народу. Одноклассники, которых я обычно даже не видел, были там, громко плача.

Я не плакал.

- Окада, вы с Ватарасе-сан были близки? - с любопытством спросил один из моих одноклассников, увидев, как я беседую с Макото-сан и Рицу-Сан.

- Она была моей девушкой.

- Что!?! - воскликнули мои одноклассники.

- Вы слишком громкие.

"Пожалуйста, присутствуй на моих похоронах, Такуя-кун.

И пожалуйста, скажи всем, что я была твоей девушкой. Интересно, я твоя девушка или нет? Мы никогда не говорили об этом, так что я не совсем уверена.

Если ты так не думаешь, тогда, пожалуйста, сделай меня своей девушкой прямо сейчас. Потому что я хочу, чтобы ты показал всем, что даже у этой бедной девушки, которая умерла преждевременной смертью, был такой замечательный парень. И я хочу, чтобы ты показал, что у тебя была такая же красивая девушка, как я, Такуя-кун."

Конечно, крематорий обычно не работал по ночам. Но, по-видимому, они время от времени получали такого рода просьбы. Больные люминесцентной болезнью иногда писали в своих

завещаниях, что они хотят, чтобы их останки кремировали ночью. И поэтому они сделали исключение.

Обычно только близкие родственники должны были присутствовать на кремации, но я пригласил Каяму, и мы вдвоем отправились туда. Конечно, Макото-Сан позволил Каяме прийти.

Мы ушли в какой-то момент во время подготовки, и вместо того, чтобы остаться, чтобы забрать прах Мамизу, мы поднялись на холм, откуда был бы хорошо виден столб дыма от кремации.

Поблизости вообще было тихо. Но время от времени мы слышали, как по какой-то очень далекой дороге проезжают машины.

И началась кремация.

На небе была полная луна.

Тело Мамизу горело, превратившись в столб дыма, который танцевал в воздухе. Этот бледно-белый дым окружал слабый свет.

Освещенный луной, дым превратился в луч света, который поднялся в небеса.

На фоне безоблачного ночного неба бледно светился дым от тела Мамизу.

Дни, которые я до сих пор проводил с Мамизу, на мгновение вспыхнули в моем сознании и снова исчезли с невероятной скоростью.

Это было мёртвое тело Мамизу.

Невозможно было поверить, что эта сцена происходит на самом деле.

Возможно, это было впечатление, но... этот свет был намного красивее любого полярного сияния или сверкающей радуги. Это было так прекрасно, что у меня по спине побежали мурашки.

Глядя, как этот свет растворяется в ночном небе, я принял решение.

Я решил, что никогда в жизни не забуду эту сцену.

"Я хочу показать Мамизу это зрелище", - бессмысленно подумал я несколько мгновений спустя.

- Он гораздо красивее, чем я думал, - сказал Каяма.

- Он гораздо красивее, чем "один луч света".

Мы вдвоем курили вместе. Мы оставались там, в тишине, пока этот свет не исчез. Мы не хотели разговаривать. В жизни человек сталкивается с ситуациями, когда лучше не разговаривать. Это была одна из таких ситуаций.

Затем, мы пошли домой.

Каяма приехал на своем велосипеде, и мы решили ехать домой вместе.

"Пожалуйста, заведи побольше друзей. В конце концов, у меня не было никого, кого я могла бы назвать близким другом. Мне нужны были друзья. Пожалуйста, заведи много друзей вместо меня, Такуя-кун."

Мой дом был довольно далеко от дома Каямы, несмотря на это, Каяма отвез меня довольно близко к моему дому. Я поблагодарил его и слез с велосипеда.

- Бывай, -коротко бросил он.

- Эй, Каяма! - Крикнул я, потеряв терпение.

Что можно было сказать, сделав над собой усилие, находясь в десятках метров друг от друга? Что же это такое, чего нельзя сказать на обычном расстоянии? Я подумал об этом, а потом сказал:

- Мы ведь друзья, верно?

Каяма бесстрастно посмотрел на меня. Его глаза, казалось, смотрели прямо на меня.

- Ну конечно. Не задавай таких неловких вопросов!

Каяма рассмеялся и снова принялся крутить педали велосипеда.

Он не повернулся ещё раз.

"Хорошо ли чувствует себя Каменоске? Убедись, что ты правильно его кормишь. Пусть он проживет долгую жизнь. Пожалуйста, подари ему свою любовь и побалуй его."

Недавно я понял, что Каменоске настоящий преступник.

Он часто сбегал.

Он каким-то образом выползал из своего резервуара с водой без моего ведома и обходил все места внутри дома. Каждый раз, когда это случалось, мы с мамой поднимали огромный шум, чтобы найти его. Особенно ему нравилась ванная комната.

- Интересно, хочет ли он вернуться в океан, - сказала моя мама.

- Был человек, который тоже так думал.

- Мне вызвать машину?

В конце концов я согласился на её предложение, и мы вдвоем плюс одна черепаха отправились в гараж.

Мы уже давно не выбирались никуда, не так ли? Мы ведь не делали этого с тех пор, как умерла Мейко?

- Ну, это необычно - ходить куда-то с матерью в моём возрасте.

Всё ещё стояла зима, поэтому было холодно. Но небо было ясным. Мы прибыли на тот же самый пляж, на который я когда-то пришёл. Поблизости было не так уж много пляжей, так что

тут уж ничего не поделаешь.

Моя мать принесла пляжный коврик. Она положила его на песок, и мы сели на него. А потом мы вытащили Каменоске из его аквариума и выпустили его на песчаный пляж. Он пошёл прочь спокойными шагами. Он выглядел довольно энергичным.

- Такуя, ты ведь недавно был на похоронах одноклассника?

- Да.

Я всё ещё не рассказала маме подробно о Мамизу. Отчасти потому, что мне было неловко, но также и потому, что было бы трудно привести все события в порядок и рассказать ей всё как следует.

- Это был кто-то, кого ты знал?

- Да...

- Понятно.

Моя мать больше ни о чём не спрашивала. Это было немного неожиданно.

- Эй, мам.

- Хмм?

- Знаешь, я очень любил Мейко.

- Я знаю, - сказала она улыбаясь.

- Я вовсе не холодный человек, - я чувствовал, что мой голос начинает дрожать. Я отчаянно пытался предотвратить это.

Но это было невозможно.

Это было странно.

Слезы полились из моих глаз.

Я не понимал, почему не смог заплакать в нужный момент, а потом вдруг разрыдался в совершенно другой момент.

- Я знаю, Такуя, - сказала мама, поглаживая меня по голове.

Я не двигался, позволяя ей утешать меня.

После этого мама вдруг встала и поднесла руки ко рту. Она сложила руки в форме Мегафона и без предупреждения издала громкий крик.

Я удивился. Не только я. Каменоске, который шёл к морю, удивленно обернулся.

- Что такое?

- Ничего.

Слышен был только шум волн. Я чувствовал только запах мокрого песка.

- Пойдем домой? - спросила она.

Я посмотрел на Каменоске, который продолжал свои идти, становясь мокрым от морской воды.

- Может, нам оставить здесь Каменоске?

- Такуя. Не говори таких глупостей.

- Я шучу.

Мы забрали Каменоске и сели в машину.

- Остановись рядом с магазином, - попросил я маму по дороге домой.

- Зачем?

- Я подумываю о том, чтобы помочь Каменоске завести подружку, - сказал я, глядя на резервуар с водой позади меня.

Каменоске с любопытством посмотрел на меня.

“Я хочу выйти замуж и, если это возможно, иметь троих детей. Я хочу девочек, но я думаю, что мальчики тоже милые. Я не возражаю, если он маленький, но я хочу дом на одну семью с садом. Но говорят, что дом домом делают люди. Так что думаю, что была бы счастлива везде.

До сих пор я никогда об этом не думала. Я имею в виду, что это очевидно, не так ли? Ведь не может же человек, который хотел бы никогда не рождаться, думать о том, чтобы иметь детей, не так ли? Но сейчас я думаю об этом.”

Через некоторое время зимние каникулы закончились, и в начале нового года было немного новостей.

Йоси-сенсей вышла замуж, и в конце учебного года ей предстояло уйти в отставку.

По слухам, она нашла своего партнера через брачное агентство. Она встречалась с Каямой всего полгода назад, так что я был немного удивлен тем, как быстро это произошло.

С другой стороны, казалось, что Каяма на самом деле не был так уж шокирован. - Он обычный служащий компании. Но когда я увидел фотографию, которая ходит по рукам, то увидел, что он так уродлив, что мне захотелось смеяться.

Кто же передавал такую фотографию? Я удивился, но когда взглянул на фотографию, которую прислал мне Каяма, то увидел, что у этого человека блестящая лысая голова, напоминающая Нурарихена из фольклора.

Однажды, вскоре после этого, когда у Йоши-сэнсей был первый урок национального языка, я

вошёл утром в класс и увидел, что кто-то что-то нацарапал на доске.

Йоши-тян, поздравляю тебя с женитьбой.

Рядом с этими словами был нарисован мелом портрет этого Нурарихионского человека и сердце.

Вошла Йоши-сэнсей, увидела это и поспешно начала стирать с доски, выглядя смущенной.

- Эй, чей это розыгрыш?- сказала она, но мне показалось, что ей это не совсем не нравится; она выглядела немного счастливой.

Я знал, что в классе есть только один человек, который может провернуть такое, и Йоши-сэнсэй, вероятно, тоже это знала.

- Ты удивительно хорошо рисуешь, - сказал я Каяме.

- О чём ты? - прикинулся он дурачком.

Однако я не упустил из виду меловую пыль на рукавах его мундира. Но в конце концов я отстал от него и притворился, что ничего не заметил.

"У меня было много вещей, которые я хотела сделать для тебя. Я хотела сделать для тебя хоть что-нибудь. Я всегда только заставляла тебя делать что-то для меня, и я действительно ничего не могла сделать для тебя, не так ли, Такуя-кун? Прости меня за то, что я была плохой девушкой.

Но было бы здорово, если бы ты быстро нашел себе новую подружку. Мужчины не могут постоянно думать о своих бывших подружках. Но всё равно, это нормально, если ты тоже будешь вспоминать меня время от времени, верно?"

Однажды, я увидел Рико-тян-сан.

В воскресенье, проходя мимо кафе, я увидел её на тротуаре по другую сторону дороги.

Рико-тян-сан шла рядом с высоким парнем и они держались за руки.

Я хотел было крикнуть и позвать её, но в конце концов решил этого не делать.

Эта сцена почему-то показалась мне очень счастливой. У Рико-тян-сан была широкая улыбка на лице, когда она вступила в оживленный разговор с парнем. Я не хотел прерывать эту сцену.

Я хотел, чтобы этот момент длился вечно. Мне очень хотелось, чтобы это произошло. А потом я почувствовал легкую ревность.

После этого я никогда более не видел Рико-тян-сан.

Прошел 49-й день, и через полгода я ходил на могилу Мамизу. Макото-сан пригласил меня вместе с ним посетить её. Сначала я думал, что сам пойду и тайно навещу её позже, потому что мне было немного неловко.

Но мне казалось, что если я сделаю это, то ничем не буду отличаться от себя прежнего.

Когда тот, кого мы любим, умирает,

Мы тоже должны умереть.

В этом стихотворении, написанном Накахарой Чуйей, на самом деле было больше строк.

Тогда я ещё не дочитал её до конца, но когда на днях перечитал снова, там было написано кое-что ещё.

Так оно и продолжалось.

Но если мы продолжим,

За гранью,

Давайте пожмём друг другу руки.

Какое-то время я размышлял, что же означает это стихотворение. А потом я понял, что в этом не было достаточно смысла, чтобы так глубоко задуматься об этом. Вероятно, это означало, что люди, которые живут дальше, должны ладить с другими людьми, которые живут дальше.

Во всяком случае, при таких обстоятельствах я пригласил Каяму и пошёл к выходу из здания вокзала, где мы договорились встретиться. Все было обговорено так, что Макото-сан приедет и заберет нас оттуда.

- Да что же это такое?! - воскликнул Каяма, когда увидел меня.

Я принёс Каменоске и его любовницу в ведре, которое было наполнено небольшим количеством воды. Кстати, я ещё не дал второй черепахе имени. Но я планировал в ближайшее время как следует над этим подумать.

- Ну, я решил взять с собой этих черепах.

- Не думаю, что нормальные люди берут с собой черепах, когда идут навещать чью-то могилу.

Пока мы разговаривали, подъехала машина Макото-сана.

- Давно не виделись, - произнёс он.

Макото-Сан сменил работу. Он работал в отделе продаж, и атмосфера вокруг него немного изменилась. Он также начал одеваться несколько солиднее. Он не выглядел особенно удивленным, увидев Каменоске и другую черепаху.

- Давно не виделись, не так ли, Такуя-кун?- спросила Рицу-сан, сидевшая на пассажирском сиденье. Она и Макото-сан не внесли себя обратно в семейный реестр, но, похоже, они встречались гораздо чаще, чем раньше.

Если подумать, то это первый раз, когда Рицу-сан назвала меня по имени.

- У тебя всё хорошо? - спросил меня Макото-сан, будто отец, впервые за долгое время увидевший своего сына.

- Я недавно начал кататься на скейтборде, - встрял Каяма, сидевший рядом со мной.

Он действительно начал кататься на скейтборде, и у него было множество мелких травм и ссадин от падений. Я понятия не имел, что в этом такого веселого, поэтому мне не хотелось присоединиться к нему.

Услышав это, Макото-сан вступил в разговор с Каямой и рассмеялся, как будто ему было очень весело.

- Такуя-кун, неужели ты ничего не начал делать?

- Я собираюсь заняться кое-чем.

Я не знал, чем, но мне показалось, что прошло уже достаточно времени, чтобы я смог что-то начать. Если я буду слишком долго тянуть, Мамизу будет разочарована. Нет, вместо того чтобы разочаровываться, она будет чувствовать себя скучно и беспокойно. Так я и думал.

Теперь, когда я думал об этом, в записной книжке Мамизу было еще несколько вещей, которые я ещё не сделал. На днях я глянул в него и рассмеялся над тем, что он написала: "Я хочу дотронуться локтем до своего подбородка, прежде чем умру."

- Эй, Каяма, ты можешь дотронуться локтём до подбородка?

- Разве это не невозможно?.. - он попытался было сделать это, но быстро сдался.

Макото-сан попытался присоединиться к нам, но мы поспешно остановили его. Это было удивительно трудно; казалось возможным, и все же это было невозможно. Вполне возможно, что это была более сложная проблема, чем гипотеза Пуанкаре.

- Я хотел бы дать новой черепахе имя. Нет ли у вас каких-либо идей?

- Сакура, - сказал Макото-сан, глядя в окно на ещё не распустившуюся сакуру.

- Может ли быть, что когда вы давали имя Мамизу...

- Конечно. Я пил воду. У меня было похмелье, знаешь ли.

- А если бы вы в это время пили чай? - спросил Каяма.

- Если бы это был зелёный чай, то, наверное я бы назвал её Мидори.

- Вы худший, - рассмеялся я.

(П.п. - Не уверен насчет "Ма" в Мамизу, но mizu - это вода. Ну а midori - зелёный.)

- Такуя-кун, разве ты не стал более весёлым?

- Я пожимаю руки в хорошем ритме.

(П.п. Честно? Я не понимаю. Позже исправлю на что-то более удобоваримое, наверное, как пойму смысл той странной поэмы.)

Макото-сан выглядел озадаченным. Я не мог винить его в этом.

А потом один идиот присвистнул и протянул мне руку. Конечно же это был Каяма.

- Мне помогает то, что ты идиот, - сказал я, пожимая ему руку.

До кладбища было около двадцати минут езды на машине. Это было просторное кладбище с видом на переполненный храм, который был чем-то вроде достопримечательности.

- Ух ты, какая блестящая, чувствуется новизна, - сказал Каяма, увидев могилу Мамизу.

Макото-сан рассмеялся, а я посмотрел на него и заметил, что теперь он был одет в шарф. Наверное, он надел его, когда мы вышли из машины. Это был шарф, который связала Мамизу.

- Вы носите шарф, но сейчас весна, - бросил я ему.

Макото-сан смущенно улыбнулся. Был ещё только конец марта, так что было немного прохладно, но Макото-сан был единственным человеком, одетым в шарф. Ну, я, наверное, тоже был единственным парнем, который держал черепак.

Я достал из кармана снежный шар, который совсем недавно доделал, и положил его рядом с могилой Мамизу.

Внутри снежного шара рядом стояли два человека, одетые в свадебное платье и смокинг. Как будто время остановилось внутри него.

А потом мы вчетвером сложили руки вместе и закрыли глаза перед могилой.

Скоро наступит весна.

Время года, когда мы с Мамизу впервые встретились.

Но я не хочу умирать.

Я даже с нетерпением жду, когда зацветет сакура.

Я достал из кармана диктофон и вставил в уши наушники.

Я закрыл глаза и еще раз прислушался к голосу Мамизу, повторяя слова, которые слышал уже много раз.

“Мой отец звонил тебе по телефону. Я уверена, что мой последний момент скоро наступит. Это моя настоящая, искренняя, последняя просьба.

Я люблю счастье. Я так боюсь умереть, что ничего не могу с собой поделаться; я так боюсь, что моё сердце остановится от страха. Но я больше не боюсь. Я счастлива.

А как насчет тебя, Такуя-кун? Пожалуйста, сделай все возможное, чтобы стать счастливым ради меня. Я молюсь о твоём счастье от всего сердца."

Это последнее сообщение от Ватарасе Мамизу.

"Прощай. Я люблю тебя. Люблю тебя. Люблю тебя."

На могиле Мамизу не было написано "□", как на могиле Сидзусавы Со.

Там просто было написано.

"Ватарасе Мамизу"

"Это прекрасно" - подумал я.

<http://tl.rulate.ru/book/13688/622559>